

КАК И КОГДА ПОЛИТИЯ РЮРИКОВИЧЕЙ СТАЛА РАННИМ ГОСУДАРСТВОМ?¹

А.С. Щавелев

В статье показывается, что появление государственного аппарата в политике Рюриковичей, сформировавшейся около 900 г. в Среднем Поднепровье, приходится на первую половину XI в. В течение X в. эта политика по типу своей территориально-управленческой организации и особенностям механизмов управления была сложным вождеством без каких-либо признаков раннего государства. Сообщество руси, обитавшее в городах Среднего Поднепровья, было бесписьменным и, соответственно, не обладало ключевой технологией для создания системы государственного управления. После принятия христианства вождём Владимиром Святославичем в 987 г. в течение последнего десятилетия X и первой половины XI в. появилась профессиональная группа общих и специальных функционеров, была выпущена серия регулятивных документов и тем самым начали формироваться институты раннего государства. Этот процесс может быть прослежен по данным письменных источников и по факту появления текстов, связанных с делопроизводством и практиками государственного управления. Именно в этот период среди руси появляются первые обученные письму и чтению люди, которые рекрутируются в состав функционеров новой государственной системы, а письменные практики становятся частью повседневного использования у самых разных слоёв населения. У руси происходит окончательный демонтаж гетерархических социальных отношений и новый виток социального расслоения населения, приведший к формированию жёсткой социальной иерархии. Символическим финалом переходного этапа становления раннего государства можно считать смерть в 1054 г. князя Ярослава Владимировича, носившего титулы «великого архонта Росии», «кагана» и «цесаря», воплощавшие новую политическую идеологию и теологию власти.

Ключевые слова: раннее государство, административный аппарат, общие и специальные функционеры, политическая антропология, народ русь, Русь, политика Рюриковичей.

Алексей Сергеевич Щавелев, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.

Aleksei Sergeevich Shchavelev, Doctor Habilitatus in History, Leading Researcher in the Department of History of Byzantium & Eastern Europe of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: alexissorel@gmail.com

¹ Статья подготовлена в процессе выполнения государственного задания Института всеобщей истории Российской академии наук.

ВВЕДЕНИЕ

В современной политической антропологии, исторической социологии и истории окончательно утвердилось определение государства (*lo stato, le état, der Staat, a state*) как политической системы, которая управляется с помощью профессиональной группы общих и специальных функционеров, т.е. (прото-) бюрократии (Wittfogel 1957: 238—241; Крадин 2021: 98—101). Одновременно стало ясно, что государственный административный аппарат может работать только при наличии письменности (Goody 1987) или иной независимой от естественных мнемонических механизмов аналоговой технологии отчуждения информации от мозга индивида-носителя. Разумеется, общество может обладать технологией письменности, но не использовать её для практик реализации доминирования элиты и государственного менеджмента. Письменность является критически необходимым, но недостаточным условием возникновения государственности. Тем не менее там, где государство всё-таки возникает, интенсификация использования письменности и концентрация государственной власти находятся, видимо, в автокаталитической связи, т.е. взаимно стимулируют друг друга. Письменная традиция является одним из самых вероятных факторов успешной реанимации государственных систем после критических катастроф и распадов (Scott 2017).

Дж. Гуди (Goody 1987) вполне наглядно показал исключительную роль письменности в изменении траекторий социокультурной эволюции человеческих сообществ. По его мнению, письменность преобразует сферу религиозных культов, сферу обмена и кредита и, наконец, сферу власти и управления. Он задаётся вопросом, чем политические режимы письменных обществ отличаются от своих эквивалентов обществ бесписьменных. Ответ оказывается вполне ожидаем: если группы обладателей (носителей) традиционной и харизматической власти (элиты) в письменных и бесписьменных обществах вполне изоморфны, то условием существования административного аппарата, *resp.* бюрократии, является возможность использовать письменность для перформативной коммуникации, накопления и сохранения «файлов» классифицированной и квантифицированной информации, деперсонализации транзакций власти и, наконец, сепарации политического механизма (внутри которого представители элиты осуществляют властные функции, перераспределяют ресурсы власти и обретают её и теряют к ней доступ) и аппарата управления и контроля населения (Goody 1987: 89—90). Дж. Гуди приходит к мысли, что бесписьменные общества могли создать только «сегментарные политии» или вождества, поскольку функционально-технологически не могли эффективно контролировать свою периферию (Goody 1987: 110—113). Кроме того, механизм делегирования власти от элитариев («владельцев

пакета акций» власти) администраторам-исполнителям (менеджерам управления) позволяет эффективно делить и мультиплицировать властные ресурсы в государственной системе. Раздельная функция «собственников» власти и «менеджеров» её осуществления даёт государствам эволюционное преимущество в конкуренции с другими типами политий. Кроме того, письменность даёт совершенно новое качество для наращивания мощности дисциплинарно-дискурсивного политического управления обществом, которое основано на классифицировании и квантификации индивидов (Foucault 2001).

История государственного административного аппарата проходит две стадии: первая — формирование социально-профессиональной группы «специалистов-управленцев» (Claessen 1978: 575—584), вторая — появление формализованных институтов бюрократической власти, т.е. «канцелярий» с формально-юридическим статусом. Я полагаю, что именно в этом заключается ключевое отличие *раннего государства* и *сложившегося архаического (домодерного) государства*. В раннем государстве уже есть социально-профессиональная группа «общих и специальных функционеров», но ещё нет бюрократии в узком смысле слова, иначе говоря, уже есть «аппарат власти», но ещё нет «бюрократической машины» (Claessen 1978: 576). В сложившемся архаическом государстве бюрократическая система, основанная на институциональной инфраструктуре канцелярий, уже появляется.

С точки зрения интегративно-конфликтного (диалектическое сочетание эксплуатации населения и предоставления ему менеджерских услуг со стороны элиты) подхода к теории государства (Крадин 2021: 96—97) административный аппарат (бюрократия) монополизирует и одновременно предоставляет услуги по квантификации и стандартизации налогов и других обменно-экономических процедур; по кодификации и стандартизации судебной практики и более широкому спектру урегулирования социальных конфликтов; по триангуляции и стандартизации территориального деления и контролю внешних границ зоны обитания социума. С точки зрения реалистической теории государства (Tilly 1985) эти услуги по нормализации социальных практик и страхованию рисков не столько «продаются» элитой обществу, сколько навязываются с помощью летального насилия (био- и некрополитики) и психологических (идеологических) манипуляций. Решения элит и услуги бюрократов принудительно транслируются населению социальной группой профессиональных военно-политических специалистов. Общие и специальные функционеры и затем институционализированная бюрократия появляются уже в первичных государствах и сохраняют все свои основные характеристики вплоть до настоящего времени (Brown 1979; Spencer 2014; Crooks, Parsons 2016; Berkel van 2018). Согласно П. Бурдье, государство может быть представлено в качестве некоего «бюрократического

поля», которое имеет пространственное и социокультурное измерения. Государственная территория в данном случае равна территориям, охваченным бюрократическими практиками дескрипции и квантификации населения и иных ресурсов (Bourdieu 1994).

С точки зрения гипотезы о прямой корреляции наличия технологии письма и формирования государственного аппарата своего рода аномалией является империя инков Тауантинсуйу, существовавшая в XIII—XVI вв. С точки зрения политической антропологии это хрестоматийное архаическое государство (Lewellen 2003: 38—39). В нём есть социально-профессиональная группа специалистов-бюрократов — кипукамайокков (Given-Wilson 2016). Однако у инков не было «настоящей письменности». Вместо этого использовалась мнемоническая комбинаторно-счётная система — кипу (Urton 2003). Вполне очевидно, что при создании государственной структуры империи Тауантинсуйу по культурно-историческим причинам письменность оказалась замещена функциональным эквивалентом. Кроме того, в принципе государственный аппарат может использовать и некие относительно примитивные мнемонические системы, как, например, наборы счётных фишек, которые являются эволюционными предшественниками письменности, но и сами по себе могут развиваться в достаточно сложные форматы хранения информации (Schmandt-Besserat 1992).

Аномалия архаического государства инков и, видимо, некоторых других развитых централизованных политий позволяет сделать следующее уточнение: государственная бюрократия может функционировать только с помощью стандартизированной знаковой системы экстериоризированной фиксации информации на материальных носителях, как правило, письменности или реже — её функционального аналога. Поиск и описание других аномальных случаев — задача отдельного сравнительно-исторического исследования. Пока эти данные не собраны, единичный очевидный пример замещения письменности аналогичной системой в одном государстве инков остаётся исключением, которое подтверждает правило, и, на мой взгляд, не подрывает гипотезу о письменных практиках как обязательной основе технологии управления государством. Конечно, в перспективе для дальнейшей верификации изложенных выше рассуждений стоит поискать достоверные случаи, когда бюрократия раннего государства функционирует с помощью смешанных предметно-мнемонических систем фиксации информации.

Исходя из изложенных выше предпосылок, я предлагаю следующее определение *архаического государства*: централизованная полития, в которой управление сложным обществом с выраженной социальной иерархией и чёткой территориальной локализацией осуществляют специалисты-администраторы (бюрократы) с помощью технологии письменности, специальных квантитативных систем

и перформативных текстов (регулятивно-законодательного и религиозно-идеологического характера), воплощённых в многоуровневую и многокомпонентную графосферу (впервые это определение было мной предложено в: Щавелев 2021: 27).

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМ И АНАЛИЗ ДАННЫХ

Полития князей Рюриковичей в Среднем Поднепровье X — первой половины XI в. представляет достаточно редкий для раннего Средневековья кейс, когда есть возможность проследить её генезис и эволюцию по синхронным документальным текстам и описаниям очевидцев и их потомков. Это позволяет отказаться от использования ретроспективного описания данного процесса в «Повести временных лет» начала XII в., в котором события IX—X вв. фиксируются с помощью искусственных, т.е. фальсифицированных, годовых дат, а социально-политические реалии прошлого модернизированы по образцу современной летописцам реальности рубежа XI—XII вв. с целью создания идеологизированной иллюзии того, что князья Рюриковичи появились в IX в. как «законные правители Руси» и они и их владения ничем не отличались от их потомков-князей и их «княжений» начала XII в. Эту иллюзию уже более двух столетий разделяет подавляющее число историков древней Руси, но в XXI в. она стала постепенно развеиваться и явочным порядком исчезать из историографии.

Сейчас очевидно, что полития Рюриковичей, сформировавшаяся около 900 г. (*terminus ante quem* — 911 г.), изначально была ассоциацией бигменов, которые являлись владельцами усадеб, кораблей и других транспортных средств и элементов инфраструктуры в Киеве, Чернигове и ещё нескольких городах Среднего Поднепровья. К середине X в. в ней выделился привилегированный линидж Рюриковичей и сформировалось сложное вождество с центром в Киеве. Никаких признаков государства эта полития не имела (Shchavalev 2020; 2025). Приращение нуклеарных территорий и периферийной зоны рэкетируемых сообществ носило сугубо количественный характер, не меняя сути политической системы. Этих изменений и не могло быть, поскольку общества Восточно-Европейской равнины являлись бесписьменными, у них была фактически нулевая графосфера, соответственно, у руси в X в. отсутствовала потенциальная возможность использовать технологию письменности в каких-либо, в том числе и управленческих, целях. Судя по археологическим датировкам, находки стилосов (писал) и отдельные граффити на предметах в городах Восточно-Европейской равнины X в. относятся к промежутку между серединой X и началом XI в. (Медынцева 2000; Овчинникова 2000; Фетисов 2024). Однако поскольку все эти города были вовлечены в глобальную дистанционную торгово-коммуникационную сеть, то указанные предметы с наи-

большей вероятностью были культурным импортом (Фетисов 2024). И, следовательно, они практически ничего не могут говорить о степени приобщения местного населения к письменности. Три договора русских князей — Олега, Игоря и Святослава — с ромейскими (византийскими) императорами были созданы чиновниками Ромейской империи, их тексты были написаны на греческом языке, и, соответственно, они ничего определённого не сообщают о степени грамотности элиты народа русь и окружения князей Киева. Наличие отдельных грамотных людей в сообществах руси, прежде всего в константинопольской диаспоре, конечно, вполне очевидно, но нет никаких данных, что эти единицы были хоть как-то связаны с администрированием власти в Киеве, Чернигове и других политических центрах. Отсутствие признаков активного использования письма в городах X в., где обитали группы народа русь, — чёткий сигнал отсутствия каких-либо зачатков государственного аппарата в этих политических центрах. Подчеркну, что все потенциально возможные «кириллические» надписи, которые теоретически можно отнести ко второй половине X в. (Franklin 2002: 120—127), либо не относятся к руси (например, болгарская (?) «гнездовская надпись» на амфоре (Медынцева 2000: 31, 246)), либо могут датироваться более поздним временем, либо вообще не являются кириллическими.

В 987 г. князь Владимир Святославич принимает христианство из Константинополя и приобщает к нему жителей своего сложного вожества. Территория его политики входит в систему церковной организации Ромейской империи. Его правление в Киеве продолжалось с 978 по 1015 г.: в это время он попытался внедрить несколько институционально-политических инноваций, включая создание группы грамотных людей, вероятней всего, для комплектования нового административного аппарата (Franklin 1985; Назаренко 2020; Гимон 2019; Guimon 2021: 1—30).

Раннее летописание середины XI («Древнейшее сказание») — начала XII в. («Начальный свод» и «Повесть временных лет»), основанное на устной традиции, отразившей для конца X — середины XI в. рассказы очевидцев событий и их ближайших потомков (Щавелев 2020: 193—249; Guimon 2021: 91—276), сохранило сведения о двух механизмах появления обученных чтению, письму и счёту людей на Руси. Эта память была ещё живой, коммуникативной, переданной через три поколения (условно говоря, «от дедов к внукам») и, следовательно, содержала вполне достоверное «историческое зерно» (Assmann 2011).

Первым механизмом «приобретения» образованных людей были добровольный приход и принудительная депортация в вождество Владимира Святославича священнослужителей, грамотных по роду своих занятий, поэтому их можно было приспособить в случае нужды и к административной деятельности.

После захвата князем Владимиром Святославичем византийского города Херсона он депортировал оттуда на Русь группу местных священнослужителей: «Володимиръ же по семь поимъ цъсарицу и Анастаса и попы корсуньски... / Владимир же после этого взял царицу и Анастаса и корсунских попов...» (The Pověst Vremennych lět 2003: 901). Двое из них — Анастас, возглавивший клир Десятинной церкви и вначале, возможно, руководивший всей русской церковной организацией, и Аким Корсунянин, ставший епископом Новгорода на Волхове, — известны по именам (Карпов 2019: 34, 163—164). Выходец из Херсонеса Аким (Иоаким) стал в Новгороде на Волхове не только епископом, но и учителем, а его ученик Ефрем обучал следующее поколение грамотных людей, один из которых стал писателем и сделал соответствующую запись в перечне новгородских епископов. Анастас получил от князя Владимира в управление Десятинную церковь («и поручивъ ю Анастасу Корсунянину / поручил её [Десятинную церковь] Анастасу Корсунянину»), но, самое главное, что именно Анастас получает десятину: «Рекъ сице: „Се, даю църкви сеи святѣи Богородици отъ имѣния своего и отъ градъ моихъ десятую часть“... И въдасть десятину Анастасу Кърсунянину / [Князь Владимир] сказал так: „Вот, даю церкви этой святой Богородицы от моего имущества и от моих городов десятую часть“...» (The Pověst Vremennych lět 2003: 952, 973—974). После этого Анастас получает второе прозвище Десятинный и становится крупным администратором. Именно ему в 1018 г. князь Польши Болеслав I поручил захваченную в Киеве добычу: «Болеславъ же побѣже ис Кыева, възьмъ имѣние и боляры Ярославлѣ и сестрѣ его, и Настаса пристави Десятиннаго къ имѣнию, бѣ бо ся ему вѣвѣрилъ лъстию / Болеслав же бежал из Киева, взяв богатство и бояр Ярослава и сестру его, а Настаса Десятинного приставил к [захваченному] богатству, поскольку тот вошёл к нему в доверие хитростью» (The Pověst Vremennych lět 2003: 1114—1145). Таким образом, священник Анастас стал администратором сначала церковного налога, а потом и вполне светского имущества — военной добычи.

Ещё одна группа священников прибыла из Константинополя вместе с первой женой-христианкой Владимира, сестрой византийских императоров Василия II и Константина VIII Анной Багрянородной. Именно они крестили сначала самого Владимира, а потом вместе со священнослужителями из Херсона (Корсуни) и жителей Киева. Владимир изначально предполагал, что сопровождающие его невесту Анну священники его окрестят («Да пришьдѣше съ сестрою вашею кръстятъ мя / Пусть пришедшие с сестрой вашей покрестят меня»). Императоры Василий II и Константин VIII послали свою сестру Анну в сопровождении свиты, в которую входили священники: «И посласта сестру свою и сановники нѣкыя и прозвутеры... / И послали сестру свою и неких сановников и пресвитеров...», «Епископъ же кърсуньскыи съ попы цъсаричины, огласивъ, кръсти Володимира / Епископ же

корсуньский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира» и «Наутрия же изиде Володимиръ съ попы цъсаричины и кърсуньскими на Дънѣпръ... / Наутро же вышел Владимир с царицыными попами и с корсуньскими на Днепр...» (The Pověst Vremennych lět 2003: 849—851, 856—857, 913—914).

Наконец, во время правления Владимира, т.е. до 1015 г., в Киев прибыл первый митрополит Феофилакт, которого, несомненно, сопровождала относительно многочисленная свита, а позже, при сыне Владимира Ярославе, в Киев из Константинополя приезжали митрополиты Феопппт, Иоанн и Ефрем (Карпов 2019: 34—36, 163—164, 437—438). Очевидно, что все они тоже прибывали с делегациями ромеев, в том числе болгарского происхождения, т.е. с группами людей, знающих славянский язык и владеющих кириллическим (и глаголическим) письмом.

Вторым механизмом рекрутирования функционеров раннего государства было добровольно-принудительное обучение русских детей грамоте. Об этом есть два прямых летописных сообщения. Согласно первому, князь Владимир Святославич: «...Нача поимати у нарочитыа чади дѣти и даяти на учение кънижное. Матери же чадъ своихъ плакаху ся по нихъ, еще бо ся бяху не утвърдили вѣроу, но акы по мъртвѣцихъ плакаху ся... Симъ же раздаяномъ на учение кънижное, събысть ся пророчество на Русьской земли, глаголющее ‘Въ оны дъни услышатъ глусии словеса кънижныя и яснъ будетъ языкъ гугнивыхъ’ / [Владимир Святославич] начал забирать у значительных людей детей и отдавать в обучение книгам. Матери же детей плакали по ним, поскольку ещё не утвердились в [новой христианской] вере, но как по мёртвым плакали [по ним]... С этими же отданными в обучение книгам сбилось пророчество на Русской земле, глаголющее: „В те дни услышат глухие слова книжные и ясен будет язык косноязычных“» (The Pověst Vremennych lět 2003: 924—925). Изъятие детей, видимо, предполагало их рекрутирование в состав церковного клира и, возможно, административного аппарата (Franklin 2002: 234; Гимон 2019). Иначе сложно понять, почему они, по мнению их матерей, «умирали» для своих семей. Иными словами, они изымались из своих сообществ и вливались в новое сообщество людей церкви и функционеров формирующегося раннего государства. Причём далее в этом же тексте эксплицитно говорится о появлении «нового народа», пришедшего к вере в Иисуса Христа: «Иисусъ Христосъ, иже възлюби новыя люди, Русьскую землю...» (The Pověst Vremennych lět 2003: 927). Таким образом, новое государство князя Владимира населялось «новыми людьми», которые были приобщены к новой христианской религии и книгам, которые считались их родичами символически умершими для породивших их семей, остающихся в «языческом» прошлом. «Голосом» нового народа христиан («языка рускаго», «новы люди») стал русин («роусинъ») — монах и пресвитер Иларион, в 1051 г.

ставший первым русским митрополитом (Слово о законе и благодати: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/tabid-4868>). Это был уже не просто грамотный человек, а писатель, в полной мере освоивший литературное («книжное») мастерство.

Согласно второму сообщению, которое можно условно датировать временем около 1030 г., князь Ярослав Владимирович «...приде к Новуграду, и събра отъ старость, и отъ поповъ дѣти 300 учити книгам. И преставися архиепископ Акимъ. И бяше ученикъ его Ефреъмъ, иже ны учаще... / ...пришёл к Новгороду и собрал у старост и у попов 300 детей учиться книгам. И преставился архиепископ Аким. И был у него ученик Ефрем, который нас учил...» (ПСРЛ. Т. XLII. 2002: 63). Известие восходит, видимо, к раннему перечню новгородских епископов конца XI в. (Guimon 2021: 210—213). Данный мини-нарратив прошёл три поколения (см. выше) — от учителя Акима к его ученику Ефрему и от него к его ученикам, один из которых сделал эту запись. Итак, Ярослав Владимирович в Новгороде на Волхове повторяет практику своего отца, отдав в обучение детей «старост» (что бы ни означал этот социальный термин, он, скорее всего, указывает на лидеров неких локальных сообществ, возможно, в сельской местности) и первого поколения церковно- и священнослужителей. Здесь отдача в обучение снова является инициативой князя, что тоже может намекать на некоторую недобровольность этого действия для детей и их родителей. Следует обратить внимание на относительно большое количество обученных грамоте — 300 детей; вряд ли формирующейся церковной организации требовалось столько сотрудников, поэтому можно предположить, что часть из учеников должна была укомплектовать как раз административный аппарат.

Итак, в первой половине XI в. наличие грамотного населения на Руси, прежде всего клириков, надёжно зафиксировано, это были либо иммигранты из Ромейской (Византийской) империи, либо прошедшие у них обучение чтению, письму и счёту местные люди. Более того, единственный священник-иммигрант из Херсона (Корсуни) Анастас, биография которого нам известна, в итоге на Руси стал менеджером, связанным с налогами и имуществом.

Ранний период письменной культуры Руси первой половины XI в. отчётливо маркируется найденными в Новгороде на Волхове четырьмя древнейшими берестяными грамотами № 246, 247, 591, 915-И с интервальной датой 1025—1050 гг. Характерно их содержание: угроза злостному должнику с упоминанием коллективной ответственности новгородцев за долги друг друга, случай ложного обвинения в грабеже с указанием на возможность получения штрафа за клевету и выплату некой суммы епископу, алфавит и иконка с надписью (ДБГ: <http://gramoty.ru/birchbark/document/list/?requestId=&number=&conventionalDateInitialYear=1020&conventionalDateFinalYear=1050&text=&translation=>). Эти темы хорошо показывают, что письменность сразу стала использовать-

ся не только в церковном обиходе (иконка с надписью) и обучении («азбука»), но и в судебных процедурах урегулирования конфликтов, видимо, при участии епископа и иных представителей власти.

Именно в этот период конца X — первой половины XI в. появляются «документы» раннего государства на атипичных носителях — *свинцовые печати* (которые прикреплялись к личным и публично-правовым документам и сами по себе были носителями знаков власти, включая прокламативно-официальные надписи), *серебряные и золотые монеты* (легенда которых является документальным мини-текстом) и *деревянные цилиндры-пломбы* (которыми запечатывали мешки с собранными ценностями, возможно, натуральными налогами) (см. обзор: Гимон 2019).

Раньше всего появляются свинцовые печати. Второй половиной X — началом XI в. датируется уникальная печать с греческой надписью и знаком (тамгой?) в виде двузубца. В её греческой легенде относительно уверенно читаются четыре буквы «...στλα...» (Молчанов 1994). Её мог носить человек с именем на *-слав*, например князь Святослав Игоревич (греч. Σφενδοσθλάβος) или князя Мстислав (греч. Μεσ(τ)ι(σ)θλάβος) и Ярослав Владимировичи. Такие имена были характерны для князей Рюриковичей и других представителей высшего слоя руси. Печать могла принадлежать также вождям народа русь, архонту по имени Володиславъ или архонтиссе по имени П(е)редьслава, известным по договору князя Игоря Рюриковича, заключённому после 931 г. и до декабря 944 г. (I trattati dell'antica 2011: 67).

Характерно, что нам неизвестны свинцовые печати князя Владимира-Василия Святославича. Вряд ли это только случайность выборки сохранившихся артефактов. Скорее всего, он сам не вёл переписку и не скреплял документы своей печатью. Его сыновья, ставшие ключевыми участниками политической борьбы после его смерти в 1015 г., приёмный Святополк-Пётр Ярополчич, Мстислав-Константин Лютый, Ярослав-Георгий, напротив, активно использовали печати. Владимир, Святополк и Ярослав использовали на печатях знаки-тамги в виде дву- и трезубцев. Правивший в Новгороде на Волхове и Киеве Ярослав использовал печати, в легендах которых он титуловался либо «архонтом Росии», либо «великим архонтом Росии» (*Γεροσθλάβος μέγας ἄρχων Ῥωσίας). Правивший в византийской Таматархе-Тмутарокани и потом в Чернигове Мстислав имел печать «великого архонта Росии» (*Μεστισθλάβος μέγας ἄρχων Ῥωσίας) (Янин 1970; Янин, Гайдуков 1998; Жуков 2015; 2019).

Во время правления в Киеве князя Владимира, т.е. после 978 г. или после 987 г., впервые происходит эмиссия золотых и серебряных монет с прокламативными надписями. Вслед за ним монеты были выпущены его старшими сыновьями — приёмным Святополком-Петром Ярополчичем (Владимировичем?) и Ярославом-Георгием. Легенды монет указывают имя правителя (Владимир-Василий,

Святополкъ-Пётр (Петросъ или Петоръ), Ярослав-Георгий), факт его нахождения на «престоле» («на столѣ») и на принадлежность именно ему монеты («а се его злато / серебро» у Владимира и «Ярославле серебро») (Рублёв 2016). Монеты выполняли несколько функций: становились новым средством платежа и давали законный эмиссионный доход за счёт завышения вменённой ценности по отношению к стоимости сырья (драгоценного металла), формой репрезентации власти для использования в престижной экономике (донаты своему окружению, подданным и контрагентам-инородцам), новым форматом демонстрации суверенитета и одновременно подражанием (мимесисом) византийским деньгам, а также могли использоваться в денежном обороте, связанном с церковной десятиной (Рублёв 2016: 19–32; Гимон 2019: 219). Можно предварительно предложить интегративную донативно-налоговую гипотезу: монеты раздавались и распространялись среди элиты, которая была обязана делать выплаты (прежде всего, церковной десятины) именно этими монетами, курс которых мог быть регулятивно-политически завышен и позволял князю-эмитенту получить сеньораж. Наконец, на монетах был изображён портрет правителя и написано его имя, поэтому они были своего рода средством массовой информации, благодаря которому подданные могли узнать, кто, собственно, ими в данный момент правит или претендует на власть над ними (ср. аналогичную функцию раздач монет в Римейской империи (Marić 2018)). Характерно, что на одном из типов сребреников (тип III) на аверсе изображён князь, на реверсе — его знак-трезубец, а на сребрениках типа IV есть надпись «Владимире серебро + съвятаго Василя», которую можно понять, что серебро принадлежит и князю, и его тезоименитому святому.

Ещё один артефакт новой делопроизводственной практики с использованием технологии письменности — деревянные цилиндры для запечатывания мешков с собранными ценностями (видимо, в основном пушнины) последней четверти X — XII в. На них указывались суммы в гривнах — вероятно, стоимость содержимого мешков, размещались указания на территории поборов (чаще всего — реки), принадлежность содержимого («ѣмьця» и «мецьницъ», «къняжь», «нѣжатинь» и т.п.). Самые ранние находки цилиндров датируются последней четвертью X — первой половиной XI в. На цилиндрах также изображались мечи и дву- и трехзубцы, т.е. тамги, которые использовали князья линиджа Рюриковичей и, возможно, иные представители элиты народа русь (Янин 2001). При этом остаётся до конца не ясным, осуществлялись ли эти сборы в мешках в рамках личных (частных) владений князей и других элитариев, или это был сбор налогов с населения в рамках новой государственной системы.

Наконец, князья Владимир и Ярослав выпустили несколько законодательных документов. Первый из них — грамота Десятинной церкви св. Богородицы в Киеве: «И помоливъшю ему, рекъ сице:

„Се, даю църкви сеи святѣи Богородици отъ моихъ имѣния своего и отъ градъ моихъ десятую часть“. И положи, написавъ клятву въ църкви сеи, рекъ: „Аще кѣто сего посудитъ, да будетъ проклятъ“ / И помолившись, сказал так: „Вот, даю церкви этой святой Богородицы от моего имущества и от городов моих десятую часть“. И положил, написав клятву [= грамоту?], в церкви этой, объявив: „Если кто это нарушит, пусть будет проклят“» (The Pověst Vremennych lět 2003: 973—974). Она была выпущена после 12 мая 995 или 996 г. Второй документ князя Владимира был посвящён выделению юрисдикции церковного суда («Юже не подобает сих тяж и судов судити князю, ни бояром, ни судьям его... / Которых не следует тяжб и судебных дел судить ни князю, ни его боярам, ни его судьям...»), он был написан между 990-ми гг. и смертью княгини Анны в 1010/12 г. (Щапов 1972: 115—135). Эти две грамоты позже объединены в архетип «Устав князя Владимира» (Щапов 1972: 127). Не исключено, что Владимиром была также издана грамота в 1005 г. для Туровской епископии (Щапов 1972: 127), а следовательно, ещё ряд создаваемых епископий могли получить аналогичные документы от князя.

Князь Ярослав Владимирович выдал некие документы жителям Новгорода на Волхове и сельским территориям вокруг него: «А Ярославъ иде къ Киеву съде на столѣ отца своего Володимира, и нача вои своя дѣлити: старостамъ по 10 гривень, а смердомъ по гривнѣ, а новгородцемъ по 10 гривень всѣмъ, и отпусти ихъ всехъ домовъ, и давъ имъ правду и устав, списавъ [грамоту], ркуще: „По сеи грамотѣ ходити, яко списахъ вамъ, тако же дрѣжите...“ / А Ярослав пошёл к Киеву и занял престол отца своего Владимира, и он начал делить между воинами [награды]: старостам по 10 гривен, а смердам по гривне, а новгородцам по 10 гривен каждому. И отпустил их всех домой [в Новгород на Волхове]. И дал им правду и устав, написав [грамоту], заявив: „По этой грамоте поступайте, как вам написал, тому и следуйте...“» (ПСРЛ. Т. III. 2000: 175—176; ПСРЛ. Т. XLII. 2002: 62). Отметим, что фраза «По сеи грамотѣ ходити, яко списахъ вамъ, тако же дрѣжите» является ритмизированной и имеет выраженную цезуру, возможно, она близка к десятисложнику — это говорит о том, что она попала в летописную запись из «живой» устной традиции новгородцев. Видимо, Ярослав издал несколько «жалованных грамот» новгородцам, поскольку в новгородском летописании они фигурируют как «все грамоты ярослави» (ПСРЛ. Т. III. 2000: 67—68, 70, 161, 350; ПСРЛ. Т. XLII. 2002: 63).

Князь Ярослав Владимирович, видимо, после захвата Киева в 1016 г. выпустил первый судебник, названный «Правда рускаа» («А се есть правда рускаа»), составивший первую часть «Краткой правды» (в историографии — «Правда Ярослава» или «Древнейшая правда») (Зимин 1999: 358—359). Этот свод штрафов за различные преступления был «пожалован» новгородцам (Зимин 1999: 89—98), но само его название предполагает, что он был создан как судебник

для всего народа русь. Согласно первой статье, штраф в 40 гривен будет наложен за убийство любого мужа: русина (представителя народа русь), гридина (члена военной группы, обозначаемой собирательным соционимом «гридь»), купца (бизнесмена), ябетника (некоего исполнителя поручения), мечника (соционим, обозначающий некоего носителя меча), изгоя (человека, выпавшего из своего коллектива или социальной страты, т.е. «деклассированного элемента») и словенина (либо представителя общности словѣне на Ильмени и Волхове, либо — народа славян, славофонов, ещё не влившихся в народ русь), — также в тексте указываются права общностей варягов и колбягов. Таким образом, новый свод законов охватывает все категории населения раннего государства. Отдельно князь Ярослав также издал «Покон вирный», который регулировал обеспечение продовольствием и конями сборщиков штрафов-вир — вирников — и ограничивал сбор вир сроком в неделю (Зимин 1999: 362).

Наконец, в 1050—1051 гг. князь Ярослав вместе с митрополитом Иларионом выпустили «церковный устав» (Щапов 1972: 293—296). В нём эксплицитно описана стратификация древнерусского общества в середине XI в.: «великие бояре», «меньшие бояре», «лучшие», или «нарочитые», люди, «простая чадь», или «городские и сельские люди». Причём эта стратификация предполагает исключительное неравенство даже среди представителей элиты — бояр.

Увод или применение насилия в отношении девушки расценивались как покушение на честь её семьи («за соромъ»). Если была затронута честь семей «великих бояр», то штраф составлял 10 гривен золота, «меньших бояр» — 2 гривны золота (т.е. сразу в пять раз меньше), «добрых», или «нарочитых», людей (т.е. нерядового населения) — 2 гривны серебра. Для рядового населения защиты от умыкания девушек вообще не предусматривалось. Изнасилование («аже кто пошибаеть») жён или дочерей «великих бояр» стоило 10 гривен золота, «меньших бояр» — 2 гривны золота, «добрых», или «нарочитых», людей — 4 гривны серебра, «простой чади» (обычных свободных людей) — 24 куны или резаны. Если же кто-то оскорблял замужнюю женщину, назвав её блядью («Аже кто зоветь чужу жену блядью...»), то «великие бояре» получают за это компенсацию в 10 гривен золота, «меньшие бояре» — 6 гривен золота, «городские люди» — 2 гривны серебра, «сельские люди» — 63 куны или резаны.

Аналогичным образом немотивированный развод или изгнание жены («Аще пустить... жену без вины») стоил «великому боярину» 10 гривен золота, «меньшему боярину» — 2 гривны золота, «нарочитым людям» — 4 гривны серебра, «простой чади» — 12 кун или резан. Если девушка не выдавалась вовремя замуж («Аже девка засядеть...»), «великие бояре» платят штраф 5 гривен золота, «меньшие бояре» — 1 гривну золота, «нарочитые люди» — 12 гривен (видимо, серебра), «простая чадь» — 1 гривну серебра. Иными словами, более

высокопоставленные должны были платить больше за свои преступления в семейной сфере, чем менее привилегированные.

Не касаясь сложной проблемы конкретного соотношения денежных ставок (Щапов 1972: 257—279), можно отметить пороговое различие «великих» и «меньших» бояр, стоимость чести и ответственность за жён и дочерей которых оценивается буквально в золоте, «нарочитых», или «добрых», людей, честь которых имела эквивалент в серебре, и обычного населения, платившего штраф в 1 гривну серебра, чью честь можно «выкупить» просто «мелкой монетой». Перед нами общество с жёсткой социальной иерархией и высокой степенью социального неравенства.

Совокупность документов первой половины XI в. и ряд летописных известий, отражающих аутентичную устную традицию о прошлом, позволяют описать основные категории общих и специальных функционеров политии князя Ярослава Владимировича.

Прежде всего, нужно исключить из рассмотрения в качестве сотрудников аппарата власти «дружинников» князя. При древнерусских князьях X—XII вв. находился некий круг лиц, по отношению к которому используется многозначное (полисемантическое) определение «дружина» (лат. *comitatus*). Дружиной назывались и окружение князя в целом, и его личная вооружённая группа («банда», «бригада боевиков»), причём очевидно, что эти спутники князя в своём большинстве были профессиональными воинами (Enright 1996; Bazelman 1999; Cardini 2014; Modzelewski 2015). Дружинники князя не составляли всю политическую элиту политии Рюриковичей. Дружина князей Киева как таковая не была аппаратом власти. Поэтому все попытки описать политию Рюриковичей с помощью оксюморона «дружинное государство» не видятся мне обоснованными и продуктивными, фактически это была попытка закамуфлировать и сохранить вышедший из употребления зомби-концепт «феодалное государство», не меняя сути дела и методологии исследования. Дружина была у князей Рюриковичей, когда они были вождями (лидерами вождества) в X в., и она сохранялась в период превращения их политии в раннее государство в XI в. Воеводы, бояре, гриди, отроки находились в окружении князя или у него на службе, но у нас нет данных, что они занимались решением каких-то административных задач. Например, воевода Свенельд собирал дань с древлян для себя и своей дружины («отроков»), но не в пользу своего князя Игоря, а фактически конкурируя с князем-«сюзереном» (ср. мою более раннюю работу, где я на уровне терминологии несколько переоценил административные функции воеводы Свенельда и уровень сложности политической организации вождества князя Игоря: Щавелев 2013). В первой половине XI в. судебные функции осуществляли князья, бояре, некие «судьи князя», митрополит и епископы (Горский 2019: 331), но не члены непосредственного военно-политического окружения князя.

Отдельно следует отметить появление в летописных известиях, повествующих о событиях начиная с последней четверти X в., посадников (Горский 2019: 273—274), но вполне очевидно, что это были люди, замещающие князя в городе («на столе») в его отсутствие и в отсутствие его совершеннолетних детей и прочих родичей. Это был важный момент появления механизма делегирования власти, механизма, который в большей степени характерен для ранних государств, чем для вождеств. Наличие неких «исполняющих обязанности князя», строго говоря, не свидетельствует о появлении административного аппарата, но показывает, что личное участие в непосредственном управлении территориями вождя постепенно уходит в прошлое.

Основным специализированным администратором политики князя Ярослава был вирник (вирьникъ), который занимался сбором вир, т.е. штрафов за убийство (Горский 2019: 53). Ярослав («то ти оуроць Ярославль») издал специальный документ «Покон вирный» (Зимин 1999: 362), который устанавливал правила обеспечения населением вирника всем необходимым. В то же время этот документ ограничивал его пребывание у податного населения сроком в неделю. Судебные штрафы за убийство были одним из основных источников дохода в формирующемся раннем государстве Владимира Святославича и его сына Ярослава (Горский 1999: 48—52). Факт издания специального документа показывает, что появление вирников — ключевая инновация этого времени.

В «Правде Ярослава» и в надписях на цилиндрах упоминаются мечники (мечьникъ) (Горский 2019: 214—215). Строго говоря, из имеющихся контекстов очевидно только то, что мечники — это некая социальная категория, по-своему привилегированная, и, судя по прозрачной этимологии, её представители носили (имели право носить?) мечи. Мечники входили в окружение князя, участвовали в сборе штрафов и испытаниях железом. Однако однозначно считать их профессиональными администраторами раннего государства первой половины XI в. веских оснований нет. Вероятно, это были профессиональные воины («боевики») из дружины князя, которых, возможно, эпизодически подключали к сбору натуральных податей и к администрированию ордалий.

Бирич (биричь) упоминается в «Повести временных лет» в описании войны князя Владимира Святославича с печенегами, которая произошла после 978 и до 1015 г. В поисках поединщика князь Владимир «посла биричи по товаромъ, глаголя: „Нету ли такого мужа, иже бы ся яль с печенъжиномъ?“ / послал биричей по обозам, спрашивая: „Нет ли такого мужа, который бы сошёлся [в единоборстве] с печенегом?“» (The Povest Vremennych lët 2003: 958—959). Бирич исполнял функции глашатая, вестника и посыльного (Горский 2019: 15—17). С одной стороны, время правления Владимира как раз является периодом управленческих инноваций, и тогда возможно, что «биричи» уже появились в это время, но с другой — нет никаких гарантий, что социальный термин «бирич» начала XII в., когда была

написана «Повесть временных лет», не был анахронически использован летописцем в его рассказе о событиях конца X — начала XI в.

В «Правде Ярослава» названы также ябетники (ябетъникъ) (Зимин 1999: 358; Горский 2019: 377). Они также упоминаются в берестяных грамотах № 235, 421 и Р-12 (ДБГ: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/235/>). Из берестяных грамот ясно, что в более поздний период это были люди, связанные с исполнением неких решений по сбору долгов и освобождению должников. Непонятно, правда, имелся ли у них официальный статус, или это были просто исполнители, выполняющие поручения частного лица. Судя по одному позднему известию новгородского летописания, или лексема «ябетник» была синонимом слова «бирич», или биричи служили у ябетников (ПСРЛ. Т. III. 2000: 58, 259). В любом случае, биричи и ябетники могут с определённой долей вероятности считаться общими функционерами, представляющими князя или иного обладателя власти.

Емец (емць) обозначен на деревянных цилиндрах (см. выше) и упомянут в «Правде Ярослава» (Зимин 1999: 362; Горский 2019: 142). Однако в «Правде Ярослава» «емцом» мог быть назван поимщик преступника, а не административный работник, а метки на цилиндрах могут указывать просто на сборщиков, работающих по поручению частных лиц. Таким образом, не исключено, что такого вида функционеров-администраторов с официальным статусом, как «емцы», вообще не существовало.

Поскольку раннее государство должно было обладать политической теологией и идеологией верховной власти (Assmann 2011), нельзя не отметить, что князь Ярослав Владимирович проявил исключительное внимание к своей титулатуре. Ни до него, ни после князя из линиджа («династии») Рюриковичей никакие специальные титулы практически не использовали (Vodoff 1983). А Ярослав Владимирович на печатях носил титулы «архонта Росии» и «великого архонта Росии». Он настойчиво называется «каганом» и в «Слове о законе и благодати» («Паче же помолися о сынѣ твоємъ, благовѣрнѣмъ каганѣ нашемъ Георгии...»), и в ставленнической записи митрополита Илариона («Быша же си въ лѣто 6559, владычествующу благовѣрному кагану Ярославу, сыну Владимиру») (Слово о законе и благодати: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868>), и, возможно, в граффити в Софии Киевской («Съпаси Г(оспод)и кагана нашего» (ДЭ: <http://epigrafika.ru/epigraphy/inscription/show/592>)). В граффити о его смерти 20 февраля 1054 г. он был назван уже «цесарем» («Успение ц(а/еса)ря нашего...») (ДЭ: <http://epigrafika.ru/epigraphy/inscription/show/300>)). В программном для идеологии Ярослава «Слове о законе и благодати» его отец Владимир тоже был назван «нашим каганом»: «похвала кагану нашему Вьлодимиру», «Похвалимъ же и мы... великааго кагана нашеа земли Володимера», «Сии славнии от славныхихъ рожься, благородень от благородныхъ, каганъ нашъ Вьлодимеръ», «Съвлѣче же ся

убо каганъ нашъ и съ ризами ветъхааго челоуѣка» (Слово о законе и благодати: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/tabid-4868>).

Вполне очевидно, что Ярослав Владимирович принял все возможные титулы, которые могли быть понятны населению его страны и были бы оценены в соседних странах. И это, несомненно, должно было возвысить его над всеми другими местными элитариями, аннулировав его традиционные реципрокные обязательства вождя перед элитами и народом (Modzelewski 2015). Здесь важно отметить формулу власти «наш каган» и «наш цесарь», которая подчёркивала, что теперь христианский «новый народ» русь имеет своего собственного кагана-цесаря, который является сыном кагана, а не просто ещё одного князя.

Наконец, как раз в середине XI в., когда раннее государство уже в общих чертах сформировалось, на Руси происходит культурный перелом: во всех категориях письменной культуры наблюдается радикальное изменение плотности графосферы. До середины XI в. артефакты местной письменной культуры «спорадичны и скудны», а после — сильны, заметны и быстро становятся «изобильными» (Franklin 2002: 123, 275). Механизмы раннего государства и механизмы мультиплицирования письменной культуры, как и предсказывает теория (Goody 1987), взаимно стимулируют друг друга, ускоряя расширение поля государственного управления и социокультурную динамику письма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из вышеизложенного, можно считать вполне очевидным, что превращение политики Рюриковичей из *сложного вождества в раннее государство* произошло в течение первой половины XI в. В этот период была выпущена целая серия *письменных регулятивных документов*. Во время правления Ярослава Владимировича, т.е. с 1016 по 1019 г., появляются первые *общие* (мечники, ябетники, биричи) и *специальные* (вирники) *функционеры*. Для специальных функционеров был выпущен особый документ «Покон вирный». Причём эти администраторы нового типа не обязательно должны были входить в военно-политическое окружение князя («дружину») и не обслуживали хозяйство личных княжеских владений (как тиуны, ключники и др.). Их основная функция заключалась в сборе штрафов (вир), а также в некоем общем контроле за исполнением судебных решений. Судебные же функции осуществляли лично князь (и, очевидно, их посадники в качестве их политических аватаров), бояре и иерархи церкви. Каким образом осуществлялся сбор основного налога — дани, не ясно. Не исключено, что дань, как и в X в., продолжала собираться лично самими князьями или элитариями, получившими такое право на определённых территориях. Раннее государство князя Ярослава Владимировича, несомненно, обладало свойством эмерджентности: новое качество этой

политической системы кардинально отличалось от вожества, на базе которого оно возникло, и только сочетание всех его новых компонентов (административный аппарат, нормативно-регулятивные документы, эксклюзивная титулатура и т.д.) дало синергетический эффект его появления и социальную энергию для его дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Гимон Т.В. 2019. Князь Владимир и письменность. *Древнейшие государства Восточной Европы. 2017—2018 годы. Ранние формы и функции письма*. Отв. ред. тома Т.В. Гимон. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 216—240.
- Горский А.А. 2019. *Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник*. СПб.: Изд-во О. Абышко.
- ДБГ: *Древнерусские берестяные грамоты*. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/> (дата обращения: 01.05.2025).
- ДЭ: *Древнерусская эпиграфика*. URL: <http://epigrafika.ru/epigraphy/> (дата обращения: 01.05.2025).
- Жуков И.А. 2015. О новых находках вислых печатей князя Ярослава (Георгия) Владимировича Мудрого 1019—1054 гг. *II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII—XI вв.»*. СПб.: ЗнакЪ, 275—280.
- Жуков И.А. 2019. О новых находках вислых печатей князя Мстислава (Константина) Владимировича. *Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики*. Ред. Д. Гулецкий, Г. Титов, В. Зайцев, т. 6, 51—57.
- Зимин А.А. 1999. *Правда Русская*. М.: Древлехранилище.
- Карпов А.Ю. 2019. *Русская церковь X—XIII вв. Биографический словарь*. М.: Квадрига.
- Крадин Н.Н. 2021. *Происхождение неравенства, цивилизации и государства*. СПб.: Изд-во О. Абышко.
- Медынцева А.А. 2000. *Грамотность в Древней Руси (по памятникам эпиграфики X — первой половины XIII в.)*. М.: Наука.
- Молчанов А.А. 1994. Древнейший памятник русской сфрагистики: моливдовул князя Святослава Игоревича середины X в. *Нумизматический сборник*. Ред. и сост. Г.А. Щетинин, т. 3, 76—81.
- Назаренко А.В. 2020. *Князь Владимир Великий. Креститель, строитель, небесный охранитель Руси*. М.: Квадрига.
- Овчинникова Б.Б. 2000. Писала-стилосы древнего Новгорода X—XV вв. (свод археологического источника). *Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие*. Отв. ред. А.Т. Шашков. Екатеринбург: Банк культурной информации, 45—105. (Проблемы истории России. Вып. 3).
- ПСРЛ. Т. III. 2000: *Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Отв. ред. А.Н. Насонов. М.: Языки русской культуры.
- ПСРЛ. Т. XLII. 2002: *Полное собрание русских летописей. Т. XLII. Новгородская Карамзинская летопись*. Отв. ред. Я.С. Лурье. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Рублёв А.И. 2016. *Монеты древнерусской чеканки, конец X — начало XI вв.* Каталог. М.: Старая монета.
- Слово о законе и благодати: Слово о законе и благодати митрополита Илариона. *Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. Библиотека литературы Древней Руси*. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4868> (дата обращения: 01.05.2025).

- Фетисов А.А. 2024. Письменность Гнёздовского археологического комплекса: историографические итоги. *Graphosphaera*, т. 4, № 1, 17–25.
- Щавелев А.С. 2013. Две «карьеры» функционеров раннего государства: воевода Свенельд и хёвдинг Торольв Квельдильвссон. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, № 4 (3), 72–78.
- Щавелев А.С. 2020. *Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 годы)*. М.: Аквилон.
- Щавелев А.С. 2021. Стейтогенез и письменность (в развитие концепции бюрократического аппарата как ключевого признака государства). *Graphosphaera*, т. 1, 20–40.
- Щапов Я.Н. 1972. *Княжеские уставы и церковь в Древней Руси*. М.: Наука.
- Янин В.Л. 1970. *Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. Печати X в. — начала XIII в.* М.: Наука.
- Янин В.Л. 2001. *У истоков новгородской государственности*. Великий Новгород: Изд-во Нов. ГУ им. Ярослава Мудрого.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г. 1998. *Актовые печати Древней Руси X–XII вв.* М.: ИНТРАДА.
- Assmann J. 2011. *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bazelman J. 1999. *By Weapons Made Worthy. Lords, Retainers and Their Relationship in Beowulf*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Berkel M. van 2018. The People of the Pen: Self-Perceptions of Status and Role in the Administration of Empires and Polities. *Prince, Pen, and Sword. Eurasian Perspectives*. Ed. by M. van Berkel & J. Duindam. Leiden; Boston: Brill, 384–451.
- Bourdieu P. 1994. Rethinking the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field. *Sociological Theory*, vol. 12, no. 1, 1–18.
- Brown R.P. 1979. Bureaucracy: The Utility of a Concept. *Bureaucracy. The Career of Concept*. Ed. by E. Kamenka & M. Krygier. New York: St Martin's Press, 135–155.
- Cardini F. 2014. *Alle radici della cavalleria medievale*. Bologna: Società ed. il Mulino.
- Claessen H.J.M. 1978. The Early State: A Structural Approach. *The Early State*. Ed. by H.J.M. Claessen & P. Skalnik. Hague; Paris; New York: Mouton, 533–596. (Studies in Social Sciences. Vol. 32).
- Crooks P., Parsons T.H. 2016. Empires, Bureaucracy and the Paradox of Power. *Empires and Bureaucracy in World History. From Late Antiquity to the Twentieth Century*. Ed. by P. Crooks & T.H. Parsons. Cambridge: Cambridge University Press, 3–28.
- Enright M.J. 1996. *Lady with a Mead Cup: Ritual, Prophecy and Lordship in the European Warband from La Tène to the Viking Age*. Dublin; Portland: Four Courts Press.
- Foucault M. 2001. La gouvernementalité. *Dits et écrits, 1954–1988. T. III. 1976–1979*. Paris: Gallimard, 635–657.
- Franklin S. 1985. Literacy and Documentation in Early Medieval Russia. *Speculum*, vol. 60 (1), 1–38.
- Franklin S. 2002. *Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Given-Wilson Ch. 2016. Bureaucracy without Alphabetic Writing: Governing the Inca Empire, c. 1438–1532. *Empires and Bureaucracy in World History. From Late Antiquity to the Twentieth Century*. Ed. by P. Crooks & T.H. Parsons. Cambridge: Cambridge University Press, 81–101.
- Goody J. 1987. *The Logic of Writing and the Organization of Society*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Guimon T.V. 2021. *Historical Writing of Early Rus (c. 1000 – c. 1400) in a Comparative Perspective*. Leiden; Boston: Brill.
- I trattati dell'antica 2011: *I trattati dell'antica Russia con l'Impero romano d'Oriente*. A cura di A. Carile e A.N. Sacharov. Roma: L'Erma di Bretschneider.
- Lewellen T.C. 2003. *Political Anthropology. An Introduction*. London: Praeger.

- Marić I. 2018. Lost on Reverse? Constantine VII Porphyrogenetos's Vying with Romanos I Lekapenos for Legitimacy as a Tale of Coins, Seals, and Tesserae. *Center, Province and Periphery in the Age of Constantine VII Porphyrogenetos: From De Ceremoniis to De Administrando Imperio*. Ed. by N. Gaul, V. Menze and C. Bálint. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 103–123.
- Modzelewski K. 2015. *Barbarian Europe*. Transl. by E. Macura, ed. by E. Rozbicka. Frankfurt-am-Main; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Warszawa; Wien: Peter Lang.
- Schmandt-Besserat D. 1992. *Before Writing. Vol. I. From Counting to Cuneiform*. Austin: University of Texas Press.
- Scott J.C. 2017. *Against the Grain. A Deep History of the Earliest States*. New Haven; London: Yale University Press.
- Shchhavelev A.S. 2020. Basic Features of Political Organization and Social Structure of Rurikid Polity in the Tenth Century. *The Evolution of Social Institutions: Interdisciplinary Perspectives*. Ed. by D.M. Bondarenko, S.A. Kowalewski, D.B. Small. Cham: Springer, 283–292.
- Shchhavelev A.S. 2025. The People Rus' in the Ninth – Middle Eleventh Centuries: New Approaches to the Study of Ethnogenesis and Politogenesis. *Social Evolution & History*, vol. 24, no. 1 (March), 30–57.
- Spencer Ch.S. 2014. Modeling the Evolution of Bureaucracy: Political-Economic Reach and Administrative Complexity. *Social Evolution & History*, vol. 13, no. 1, 42–66.
- The *Pověst Vremennych lět* 2003: *The Pověst Vremennych lět: A Interlinear Collation and Paradosis*. Comp. & Ed. by D. Ostrowski. Pt. 1–3. Harvard: Harvard University Press.
- Tilly Ch. 1985. War Making and State Making as Organized Crime. *Bringing the State Back In*. Ed. by P. Evans, D. Rueschemeyer, Th. Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 169–187.
- Urton G. 2003. *Signs of the Inka Khipu. Binary Coding in the Andean Knotted-String Records*. Austin: University of Texas Press.
- Vodoff V. 1983. La titulature des princes russes du Xe au début du XIIe siècle et les relations extérieures de la Russie kiévienne. *Revue des études slaves*, т. 55/1. Communications de la délégation française au IXe Congrès international des slavistes, 139–150.
- Wittfogel K.A. 1957. *Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power*. New Haven; London: Yale University Press.

HOW AND WHEN THE RURIKID POLITY BECAME AN EARLY STATE?

A.S. Shchhavelev

The article shows that the emergence of the state apparatus in the Rurikid polity, formed around 900 in the Middle Dnieper region, falls on the first half of the 11th century. During the 10th century, this polity, in terms of its territorial-administrative organization and mechanisms of power, was a complex chiefdom without any features of an early state. The Rus' society, living in the urban-centers of the Middle Dnieper region, was illiterate and, accordingly, did not possess the key technology for creating a system of state administration. After the adoption of Christianity by the chieftain Vladimir Svyatoslavich in 987, during the last decade of the 10th and the first half of the 11th century, a professional group of general and special functionaries appeared, a series

of regulatory documents were issued, and thus the institutions of the early state began to form. This process can be traced based on written sources and the fact of the appearance of texts related to office work and public administration practices. It was during this period that the first people trained in writing and reading appeared among the Rus', who were recruited into the functionaries of the new state system, and writing practices became part of everyday use among various strata of the subjugated population. The Rus' experienced the final dismantling of heterarchical social relations and a new round of social stratification of the population, which led to the formation of a rigid social hierarchy. The death of king Yaroslav Vladimirovich in 1054, who bore the titles of "great archon of Rosia", "khagan" and "caesar", embodying the new political ideology and theology of power, can be considered a symbolic finale of the transitional stage of the formation of the early state.

Keywords: early state, administrative apparatus, general and special functionaries, political anthropology, Rus' people, Rus', Rurikid polity.

REFERENCES

- Gimon T.V. 2019. King Vladimir and Writing. *Oldest States of Eastern Europe. 2017–2018. Early Forms and Functions of Writing*. Ed. by T.V. Guimon. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 216–240. (In Russ.)
- Gorskiy A.A. 2019. *Russian Medieval Society: Historical and Terminological Handbook*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo O. Abyshko. (In Russ.)
- Old Russian Birch Bark Charters*. Available at: <http://gramoty.ru/birchbark/> (accessed 01.05.2025). (In Russ.)
- Old Russian Epigraphy*. Available at: <http://epigrafika.ru/epigraphy/> (accessed 01.05.2025). (In Russ.)
- Zhukov I.A. 2015. On New Finds of Ligature Seals of King Yaroslav (George) Vladimirovich the Wise, 1019–1054. *2nd International Numismatic Conference "The Viking Age in Eastern Europe in the Monuments of Numismatics of the 8th–11th centuries"*. Saint Petersburg: Znakh, 275–280. (In Russ.)
- Zhukov I.A. 2019. On New Finds of Ligature Seals of King Mstislav (Constantine) Vladimirovich. *Rus', Lithuania, and the Horde in Monuments of Numismatics and Sphragistics*. Ed. by D. Huletski, G. Titov, V. Zaytsev, vol. 6, 51–57. (In Russ.)
- Zimin A.A. 1999. *Russian Justice*. Moscow: Drevlekhranilishche. (In Russ.)
- Karpov A.Yu. 2019. *Russian Church of the 10th–13th Centuries. Biographical Dictionary*. Moscow: Kvadriga. (In Russ.)
- Kradin N.N. 2021. *Origin of Inequality, Civilization and the State*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo O. Abyshko. (In Russ.)
- Medyntseva A.A. 2000. *Literacy in Old Rus' (On Monuments of Epigraphy of the 10th – First Half of the 13th Century)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Molchanov A.A. 1994. The Oldest Artefact of Russian Sphragistics: The Seal of King Svyatoslav Igorevich of the Middle of the 10th Century. *Numismatic Collection*. Ed. and comp. by G.A. Shchetinin, vol. 3, 76–81. (In Russ.)
- Nazarenko A.V. 2020. *King Vladimir the Great. Baptizer, Builder, Heavenly Guardian of Rus'*. Moscow: Kvadriga. (In Russ.)
- Ovchinnikova B.B. 2000. Pisala-Styluses of Ancient Novgorod of the 10th–15th Centuries (Archaeological Source Summary). *Novgorod Rus': Historical Space and Cultural Heritage*. Ed. by A.T. Shashkov. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii, 45–105. (Problems of Russian History, iss. 3). (In Russ.)

- The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. III. The Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Recensions 2000.* Ed. by A.N. Nasonov. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russ.)
- The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XLII. Novgorod Karamzin's Chronicle 2002.* Ed. by Ya.S. Lur'ye. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.)
- Rublev A.I. 2016. *Coins of Old Russian Minting, Late 10th – Early 11th Centuries.* Catalog. Moscow: Staraya moneta. (In Russ.)
- Metropolitan Hilarion's Sermon on Law and Grace. *Electronic Publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. Library of Literature of Old Rus'.* Available at: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4868> (accessed 01.05.2025). (In Russ.)
- Fetisov A.A. 2024. The Writing of the Gnözdovo Archaeological Complex: Historiographical Results. *Graphosphaera*, vol. 4, no. 1, 17–25. (In Russ.)
- Shchhavelev A.S. 2013. Two “Careers” of Functionaries of the Early State: Voevoda Svenel'd and Hqǫðingi Thorolf Kveldulfsson. *Bulletin of Lobachevsky University in Nizhny Novgorod*, no. 4 (3), 72–78. (In Russ.)
- Shchhavelev A.S. 2020. *Chronotope of the Rurikid Polity (911–987).* Moscow: Akvilon. (In Russ.)
- Shchhavelev A.S. 2021. State-Genesis and Writing (In the Development of the Concept of Bureaucratic Apparatus as a Key Feature of the State). *Graphosphaera*, vol. 1, 20–40. (In Russ.)
- Shchapov Ya.N. 1972. *King's Charters and the Church in Old Rus'.* Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Yanin V.L. 1970. *Act Seals of Old Rus' of the 10th–15th Centuries. Vol. I. Seals of the 10th – Beginning of the 13th Century.* Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Yanin V.L. 2001. *At the Origins of the Novgorod Statehood.* Velikiy Novgorod: Izdatev'stvo Nov. GU im. Yaroslava Mudrogo. (In Russ.)
- Yanin V.L., Gaydukov P.G. 1998. *Act Seals of Old Rus' of the 10th–12th Centuries.* Moscow: INTRADA. (In Russ.)
- Assmann J. 2011. *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination.* Cambridge: Cambridge University Press. (In Eng.)
- Bazelman J. 1999. *By Weapons Made Worthy. Lords, Retainers and Their Relationship in Beowulf.* Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Berkel M. van 2018. The People of the Pen: Self-Perceptions of Status and Role in the Administration of Empires and Polities. *Prince, Pen, and Sword. Eurasian Perspectives.* Ed. by M. van Berkel & J. Duindam. Leiden; Boston: Brill, 384–451.
- Bourdieu P. 1994. Rethinking the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field. *Sociological Theory*, vol. 12, no. 1, 1–18.
- Brown R.P. Bureaucracy: The Utility of a Concept. *Bureaucracy. The Career of Concept.* Ed. by E. Kamenka & M. Krygier. New York: St Martin's Press, 135–155.
- Cardini F. 2014. *Alle radici della cavalleria medievale.* Bologna: Società ed. il Mulino.
- Claessen H.J.M. 1978. The Early State: A Structural Approach. *The Early State.* Ed. by H.J.M. Claessen & P. Skalník. Hague; Paris; New York: Mouton, 533–596. (Studies in Social Sciences. Vol. 32).
- Crooks P., Parsons T.H. 2016. Empires, Bureaucracy and the Paradox of Power. *Empires and Bureaucracy in World History. From Late Antiquity to the Twentieth Century.* Ed. by P. Crooks & T.H. Parsons. Cambridge: Cambridge University Press, 3–28.
- Enright M.J. 1996. *Lady with a Mead Cup: Ritual, Prophecy and Lordship in the European Warband from La Tène to the Viking Age.* Dublin; Portland: Four Courts Press.
- Foucault M. 2001. La gouvernementalité. *Dits et écrits, 1954–1988. T. III. 1976–1979.* Paris: Gallimard, 635–657.

- Franklin S. 1985. Literacy and Documentation in Early Medieval Russia. *Speculum*, vol. 60 (1), 1—38.
- Franklin S. 2002. *Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950—1300*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Given-Wilson Ch. 2016. Bureaucracy without Alphabetic Writing: Governing the Inca Empire, c. 1438—1532. *Empires and Bureaucracy in World History. From Late Antiquity to the Twentieth Century*. Ed. by P. Crooks & T.H. Parsons. Cambridge: Cambridge University Press, 81—101.
- Goody J. 1987. *The Logic of Writing and the Organization of Society*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Guimon T.V. 2021. *Historical Writing of Early Rus (c. 1000 — c. 1400) in a Comparative Perspective*. Leiden; Boston: Brill.
- I trattati dell'antica Russia con l'Impero romano d'Oriente* 2011. A cura di A. Carile e A.N. Sacharov. Roma: L'Erma di Bretschneider.
- Lewellen T.C. 2003. *Political Anthropology. An Introduction*. London: Praeger.
- Marić I. 2018. Lost on Reverse? Constantine VII Porphyrogenetos's Vying with Romanos I Lekapenos for Legitimacy as a Tale of Coins, Seals, and Tesserae. *Center, Province and Periphery in the Age of Constantine VII Porphyrogenetos: From De Ceremoniis to De Administrando Imperio*. Ed. by N. Gaul, V. Menze and C. Bálint. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 103—123.
- Modzelewski K. 2015. *Barbarian Europe*. Transl. by E. Macura, ed. by E. Rozbicka. Frankfurt-am-Main; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Warszawa; Wien: Peter Lang.
- Schmandt-Besserat D. 1992. *Before Writing. Vol. I. From Counting to Cuneiform*. Austin: University of Texas Press.
- Scott J.C. 2017. *Against the Grain. A Deep History of the Earliest States*. New Haven; London: Yale University Press.
- Shchhavelev A.S. 2020. Basic Features of Political Organization and Social Structure of Rurikid Polity in the Tenth Century. *The Evolution of Social Institutions: Interdisciplinary Perspectives*. Ed. by D.M. Bondarenko, S.A. Kowalewski, D.B. Small. Cham: Springer, 283—292.
- Shchhavelev A.S. 2025. The People Rus' in the Ninth — Middle Eleventh Centuries: New Approaches to the Study of Ethnogenesis and Politogenesis. *Social Evolution & History*, vol. 24, no. 1 (March), 30—57.
- Spencer Ch.S. 2014. Modeling the Evolution of Bureaucracy: Political-Economic Reach and Administrative Complexity. *Social Evolution & History*, vol. 13, no. 1, 42—66.
- The Pověst Vremennykh lět: A Interlinear Collation and Paradosis* 2003. Comp. & Ed. by D. Ostrowski. Pt. 1—3. Harvard: Harvard University Press.
- Tilly Ch. 1985. War Making and State Making as Organized Crime. *Bringing the State Back In*. Ed. by P. Evans, D. Rueschemeyer, Th. Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 169—187.
- Urton G. 2003. *Signs of the Inka Khipu. Binary Coding in the Andean Knotted-String Records*. Austin: University of Texas Press.
- Vodoff V. 1983. La titulature des princes russes du Xe au début du XIIe siècle et les relations extérieures de la Russie kiévienne. *Revue des études slaves*, vol. 55/1. Communications de la délégation française au IXe Congrès international des slavistes, 139—150.
- Wittfogel K.A. 1957. *Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power*. New Haven; London: Yale University Press.

Дата поступления в редакцию 01.06.2025